

А. К. МАТВЕЕВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И МЕТОДЫ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Трудности изучения субстратной топонимики и ограниченность его возможностей¹ обуславливают необходимость постоянного совершенствования уже известных методов и поиски новых приемов исследования топонимического субстрата с тем, чтобы, во-первых, извлечь максимум информации из имеющихся данных, только небольшая часть которых обычно интерпретируется достаточно убедительно, а, во-вторых, чтобы уменьшить возможность ошибок при интерпретации.

Из частных приемов изучения субстратной топонимики особенно перспективны те, при использовании которых учитывается возможность проявления в топонимике различных форм взаимодействия языков, обуславливающего пути усвоения субстратной географической номенклатуры. Как известно, отношения между побеждающим и побеждаемым языками складываются по-разному, и это не может не повлиять на судьбу усваиваемой топонимики. По Северному Казахстану проходил один из основных путей кочевников в период переселения народов, и здесь в условиях кочевого быта и быстрых смен населения практически была невозможна постепенная ассимиляция одного народа другим. Именно по этой причине поиски дотюркского субстрата в топонимике Северного Казахстана до сих пор не дали сколько-нибудь ощутимых результатов. Недавно вымершие камасинцы, оленеводы самодийского происхождения, кочевавшие по саянским белогорьям в верховьях Маны и Кана, оставили лишь несколько топонимических названий, в основном гидронимов. Их оленеводческий быт столь отличался от экономического уклада русских земледельцев Присаянья, что в силу слабости хозяйственного и языкового контактов усвоение камасинской топонимики свелось к заимствованию русскими ничтожной доли камасинских географических названий, а в языке русских поселенцев деревни Абалаково (Саянский район Красноярского края), последнего прибежища камасинцев, не удалось обнаружить ни одного апеллятива, заимствованного из камасинского языка, хотя последняя камасинка, в какой-то степени помнящая свой язык (К. З. Анджигова-Плотникова), до сих пор проживает в Абалаково.

Более или менее полное усвоение субстратной топонимической системы возможно только при постепенной ассимиляции одного народа другим в условиях длительного совместного проживания и хозяйствования, а усвоение массового топонимического субстрата всегда предполагает промежуточный этап двуязычия ассимилируемого народа, так что в этом случае правильнее говорить не о заимствовании субстратной топонимики русскими, но о сохранении ее у обрусевшего коренного населения. Финно-угорская чужь и русские на Севере² сосуществовали сотни лет, в течение

¹ См. об этом: А. К. М а т в е е в, Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики, ВЯ, 1965, 6.

² Имеется в виду русский Север (Архангельская и Вологодская области).

которых происходила ассимиляция чуди. Не идеализируя этот процесс, всегда трудный для ассимилируемого народа (жители некоторых деревень Севера до сих пор помнят, кто из них по происхождению чудской выходец, а кто русский — новгородец), заметим, что в целом ассимиляция чуди на Севере происходила мирным путем. Постепенное обрусение чуди сопровождалось развитием общих форм хозяйствования и быта (подсечно-огневое земледелие, охота и рыболовство, кустовой способ расселения и т. п.). Поэтому в эпоху феодального средневековья Север представлял собою сложную мозаику русских и чудских поселений и территорий. Относительную хронологию обрусения той или иной группы чуди запечатлела топонимика: полевые сборы в районе прежних владений Кириллова Белозерского монастыря обнаружили удручающе бедный (по сравнению с другими районами Севера) субстратный слой с почти полным отсутствием дорусской микротопонимики; между тем в юго-западной части Белозерского края субстратная топонимика исключительно богата, причем засвидетельствована масса микротопонимических названий. Достаточно взглянуть на карты русского землевладения в Белозерском крае в XV—XVI вв.³, чтобы установить, что в этот период юго-запад Белозерья еще не был заселен русскими и, как свидетельствует топонимика, был занят чудью, в то время как район Кириллова Белозерского монастыря был прочно освоен русским населением.

Таким образом, процесс обрусения отдельных территорий Севера происходил неравномерно, с различной скоростью и интенсивностью и завершился неодновременно. Естественно, что и длительность этапа двуязычия могла быть различной: топонимика юго-западного Белозерья свидетельствует о медленном обрусении местной чуди, названия района Кириллова Белозерского монастыря — о более интенсивном процессе ассимиляции при развитии феодального хозяйствования. Как следствие всего этого, на разных территориях был различен и характер взаимодействия усваиваемого языка и его складывающейся топонимической системы с языком и топонимикой коренного населения, причем, чем длительнее был этап билингвизма, тем, очевидно, более многообразным становилось взаимодействие языков. Север с этой точки зрения представляет собой уникальную топонимическую лабораторию, на территории которой в течение нескольких веков происходило контактирование русского языка с чудскими, однако и на других территориях взаимодействие языков отражается и закрепляется в топонимике, так как в любом случае иноязычные факты, иногда тысячелетней давности, проходят через горнило русского усвоения. Суть дела состоит в том, чтобы, установив формы языкового взаимодействия в этой области, использовать их в качестве эталонов при интерпретации топонимического субстрата.

Рассматривая вопрос о различных формах взаимодействия языков в топонимике, прежде всего необходимо иметь в виду, что иноязычная по происхождению географическая номенклатура, спроецированная в функционирующую топонимическую систему языка-победителя, отражает два ряда корреляций — синхронический, представляющий собой соотношение различных, но одновременных фактов субстратных языков (адстрат), и диахронический, фиксирующий взаимодействие русских компонентов с субстратными. Само собой разумеется, что синхронический ряд восстанавливается только на основе диахронических корреляций. Факты синхронического ряда могут возникнуть в языках-источниках в разное время, но тем не менее входить в одновременно функционирующие топонимичес-

³ А. И. К о п а н е в, История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., М.— Л., 1951 (прилож. 1 и 2).

кие системы. Поскольку язык-победитель также мог усваивать адстратную топонимику в разное время, постулируемый синхронический срез очень часто предстает перед нами в «искаженном» диахронией виде (ср. передачу фин. *lahti* «залив» как *лохта* и *лахта*⁴), возникающие при этом диахронические корреляции, как правило, представляют исключительную ценность с точки зрения сравнительно-исторической фонетики. С другой стороны, некоторые субстратные топонимы (особенно микротопонимы) возникли в языках-источниках уже после того, как на соседних территориях Севера русскими была усвоена чудская топонимика. Это доказывается существованием «гибридных» топонимов (см. ниже). Подобное воздействие со стороны диахронии в свою очередь могло привести к отражению в топонимике интересных корреляций.

Синхронические корреляции ярче всего обнаруживаются при использовании метода картографических оппозиций, так как предположение о коррелятивности тех или иных элементов адстрата (фонетических, лексических, словообразовательных) прежде всего подтверждают данные картографирования. Для этимологического изучения топонимики важны все виды корреляций, но особенно перспективны лексические корреляции, отражающие различную языковую (или диалектную) реализацию одной семемы, при этом наличие ареального противопоставления свидетельствует одновременно в пользу двух этимологий⁵. Так, семема «болото» реализуется в основе *янк-* (фин. *jänkä*, карел. *jäñkä*) на западе региона и в основе *со-* (фин. *suo*, вепс. *so*) на севере и юго-востоке, семема «сосна» выражается основой *мянд-* (фин. *mänty*, карел. *mändu*) на северо-западе, *печ-* (саам. *petse*, морд. *pitše*) — на севере и юге. При употребительности соответствующей семемы в топонимике установление одного коррелята облегчает поиск другого. Если же этимология ошибочна, второй член корреляции «обнаружить» весьма сложно, так как возможности этимологизации резко ограничиваются условиями ареальной корреляции. Нетрудно понять значение рассматриваемого методического приема для этимологизации субстратных топонимов.

Диахронические корреляции в топонимике проявляются в многообразных типах усвоения субстратных топонимов русским языком⁶. М. Фасмер насчитывает 5 основных типов усвоения финских названий русской топонимической системой⁷: 1) полное усвоение топонима с сохранением обеих частей названия (*Сапуя* < *Saraoja* «осоковый ручей»), 2) частичный перевод (*Коткозеро* < *Kotkajärvi* «орлиное озеро»), 3) эллипсис форманта [*Мегра* < **Мегра-река* < *Mägrä-joki* (*jogi*) «барсучья река»], 4) полный перевод (*Хлебный Наволок* < *Leipäniemi*), 5) осложнение субстратных топонимов русскими аффиксами под влиянием русской словообразовательной модели (*Kuningala* — *Кунинголово*), что, по мнению Фасмера, характерно для названий населенных пунктов. Кроме того, Фасмер указывает, что всюду, где происходила смена одного населения другим, в названиях смежных объектов встречаются параллельные формы, одна из которых является переводом другой (*Гора Харакку* и *Сорочья Гора*, *Кивика* и *Камешная*)⁸. Типы усвоения топонимов, указанные М. Фасмером, не исчерпывают, однако, всех возможных результатов взаимодействия (см. ниже).

⁴ См.: А. К. М ат в е е в, Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике русского Севера, «Советское финно-угроведение», 19682.

⁵ При трехчленной корреляции — трех этимологий и т. д.

⁶ Или в формах усвоения субсубстратных топонимов языком субстрата.

⁷ M. V a s m e r, Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung, «Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften», Hf. 5, Berlin, 1941, стр. 22—25.

⁸ Там же, стр. 25.

В то же время приложение схемы М. Фасмера к субстратной топонимике Севера показывает, что эта схема нуждается в некоторых уточнениях.

Существование первых двух типов усвоения финских названий в топонимике Севера не подлежит никакому сомнению и подтверждается множеством примеров (ср. фин. *Pirttiniemi*, *Pirttioja* ~ *Пертнемма*, *Пертоя* — *Пертнаволож*, *Пертручей* и т. п.). Очень широко распространен и пятый тип усвоения, характерный, однако, не только для названий населенных пунктов, но и для топонимической системы в целом (ср. названия рек *Двина* — *Двиница*, *Печеньга* — *Печеньжица*, *Ухтома* — *Ухтомица*). Спорны и поэтому заслуживают особого рассмотрения вопрос об эллипсисе (р. *Перта*), а также вопрос о полных топонимических кальках (*Пертоя* — *Избная Река*, *Избной Ручей*), так как в опыте десятилетних полевых работ Севернорусской топонимической экспедиции на территории Севера нет ни одного случая фиксации двух параллельных форм (субстратной и ее русского соответствия), относящихся к одному объекту.

Вопрос об эллипсисе в субстратной топонимике Севера сводится к тому, считать ли элемент *перт-* в гидронимах *Перта* и *Пертеньга* и т. п. основой с определенным лексическим значением на уровне исходного апеллятива (ср. фин. *pirtti*, марийск. *пёрт* «изба, дом»), а топоним *Перта* — эллиптической формой, утратившей субстратный формант на русской почве и получившей русское оформление *-а*, или название реки *Перта* следует расчленить по типу *Пер-та*, выделяя формант *-та* со значением «река», допуская тем самым гетерогенность гидронимов типа *Пертеньга*. Существование нескольких десятков бессточных озер с названием *Пертозеро* явно свидетельствует в пользу первого предположения. Однако еще более показательно сопоставление топонимов с соответствующими нарицательными словами, заимствованными русскими народными говорами из финских языков (см. табл. 1).

Однако вопрос о развитии эллипсиса в топонимике нельзя решать слишком прямолинейно. Во-первых, в тех случаях, когда в основе выступает географический термин, а как показывает материал, такие случаи весьма обычны (см. табл. 1), мы можем иметь дело не с эллиптическими

Таблица 1

Топоним типа «основа + формант»	Эллиптический топоним	Соответствие в финских языках	Русский диалектный апеллятив
<i>Каскоя</i> <i>Корбанга</i> <i>Лажтюг</i> ¹ <i>Лохтюг</i> ¹ <i>Лухтонга</i>	<i>Каска</i> <i>Корба</i> <i>Лажта</i> <i>Лохта</i> <i>Лухта</i>	вепс. <i>kask</i> «пожога» карел. <i>korvi</i> «глухой лес» вепс. <i>laht</i> «залив» вепс. <i>laht</i> «залив» вепс. <i>luht</i> «заливной луг»	<i>каска</i> «подсека» <i>корба</i> «глухой лес» <i>лажта</i> «залив» <i>лохта</i> «залив» <i>лухта</i> «заливной луг»
<i>Меньдюга</i> ² <i>Мурденьга</i>	<i>Мянда</i> <i>Мурда</i>	люд. <i>mänd</i> «сосна» вепс. <i>murd</i> «мусор, сор», эст. <i>murd</i> «бурелом, валежник»	<i>мянда</i> «сосна» <i>мурда</i> «грязь, ил»
<i>Пертеньга</i> <i>Себреньга</i>	<i>Перта</i> <i>Себра</i>	вепс. <i>pert'</i> «изба» вепс. <i>šebr</i> «общая ра- бота»	<i>перть</i> «изба» (у карелов) <i>себра</i> «общее дело»
<i>Чёлмохта</i> <i>Шарденьга</i>	<i>Челма</i> <i>Шарда</i>	саам. <i>čoałte</i> «пролив» марийск. <i>шарды</i> «лось»	<i>челма</i> «пролив» <i>шардун</i> «олений самец по второму году»
<i>Янгосорь</i>	<i>Янга</i>	карел. <i>jähkä</i> «болото»	<i>янга</i> «болото»

¹ Пример последовательной корреляции *Лохтюг* — *Лохтог*, *Лажта* — *Лохтс*. *лахта* — *лохта* (соответствие фин. *a* русским *о* и *я*)

² Из * *Мяндюга*.

топонимами, а с географическими терминами в самостоятельном топонимическом употреблении. Во-вторых, обращает на себя внимание ряд названий, в основу которых положены апеллятивы, обозначающие различных животных, ср. *Кучкас* (марийск. *кучкыж* «орел»), *Кярныш* (вепс. *karniš* «ворон»), *Мегра* (карел. *mägrä*, марийск. *мерге* «барсук»), *Мыгра* (карел. *mügrä* «крот»), *Нюхча* (саам. *ñuxčʰa* «лебедь»), *Сотка* (фин. *sotka* «утка»), *Сявна* (карел. *säynnä* «язы»), *Чухча* (саам. *čuxčʰa* «глухарь»), *Шарда* (марийск. *шарды* «лось») и т. п. В то же время оказывается, что другие апеллятивы, обозначающие, например, деревья, в таких названиях выступают значительно реже. Это наводит на мысль, что среди перечисленных есть псевдоэллиптические названия, представляющие собой случаи топонимического употребления тотемистических или прозвищных наименований, которые в одних случаях прилагались к названиям поселений (*Мыгра*), а в других могли быть перенесены с названия племенной (родовой) единицы или поселения на реку.

На первый взгляд, образования такого рода не характерны для финно-угорской и русской топонимики, однако тщательное изучение вопроса показывает, что это не так. Действительно, наименования типа *Kuikka* «гагара» и *Kurki* «журавль» обычны в топонимике финских населенных пунктов и урочищ⁹. Что касается русской географической номенклатуры, то в ней эта семантическая модель распространена и на гидронимику. На территории Архангельской области засвидетельствованы: *Глухарь*, ручей, *Горноста́й*, ручей, *Кобыла*, ручей, *Конь*, луг, *Лисица*, ручей, *Озечка*, залив, *Пескарь*, ручей, *Рак*, луг, *Синица*, озеро, *Собачка*, озеро и мн. др. Разумеется, ни финские, ни русские топонимы этого рода в плане принципов номинации не образуют полной аналогии постулируемым псевдоэллиптическим наименованиям в субстратной топонимике Севера; тем не менее они подтверждают возможность существования такой семантической модели.

Вопрос о полных топонимических кальках представляет проблему совсем в ином отношении. На территории Севера не зафиксированы дублетные названия одного и того же объекта, представляющие собой разноязычные корреляты, но их и не может быть, так как в настоящее время (и уже несколько сот лет) Север заселен только русскими. Фиксация дублетных форм, характеризующих один и тот же объект, происходит, как правило, при наличии двуязычия, которое на территории Севера представляет собой давно миновавший этап взаимодействия языков. Наоборот, на территории Карелии билингвизм до сих пор является живым процессом, широко отраженным в топонимике. Отсюда следует, что третий тип усвоения субстратной топонимической системы (по М. Фасмеру) не может быть характерен для давно обрусевших территорий, например, для Севера. Поэтому здесь бесполезен поиск дублетных названий, прилагаемых к одному объекту, что очень помогает при изучении топонимики территорий с живым двуязычием, например, в Карелии¹⁰.

Следует, однако, теоретически осмыслить хорошо известные в топонимике факты фиксации в топонимических системах ныне одноязычных территорий с ярко выраженным субстратным слоем одинаковых в плане содержания, но различных в плане выражения (разноязычных) обозначений смежных объектов, которые удобно называть м е т о н и м и -

⁹ См., например: «Suomen maa», I—IX, Helsinki, 1919—1929.

¹⁰ Об этом приеме исследования см.: А. И. Попов, Материалы по топонимике Карелии, «Советское финно-угроведение», V, Петрозаводск, 1949, стр. 48—55; е го ж е, Географические названия (введение в топонимику), М.—Л., 1965, стр. 122—134.

ческими кальками¹¹. Обычно в таких случаях фиксируются названия двух основных объектов (одинаковых или разных) — субстратное и русское, но иногда метонимия распространяется и на третий смежный объект (см. ниже *Чуга*).

Возможны два пути возникновения метонимических калек. Первый состоит в том, что из двух субстратных названий смежных, но разных объектов одно сохраняется, а другое калькируется, второй — в том, что субстратное название или его калька переносится на часть объекта или на смежный объект, т. е. происходит своеобразное «расщепление» топонимического дублета, который в эпоху двуязычия прилагался к одному объекту. Какой из этих двух путей реализован в каждом отдельном случае — решить трудно, но более обычен, видимо, второй.

Рассмотрим ряд метонимических калек, засвидетельствованных на территории Севера.

1. Часть Кенозера называется *Ровдозеро* (= «железное», ср. вепс. *raud*, саам. *ruov'de* «железо»), а рядом находится пролив *Железные Ворота*. В этом случае можно предполагать существование в языке субстрата двух разных топонимов, обозначающих смежные объекты (= фин. *Rautajärvi*, *Kautasalmi*).

2. Река *Илекса* (— «верхняя; вершина»; ср. фин. *yli* «верхний») вытекает из оз. Калгачинское. В северный конец этого озера впадает р. *Верняя*.

3. Село *Керга* (= «церковь», ср. фин. *kirkko*, саам. *gir'ho* «церковь») расположено рядом с селом *Церковное*.

4. В *Рабручей* (= «грязный ручей», ср. вепс. *raba* «гуща; грязь») впадает ручей *Грязный*.

5. В оз. *Чачема* (= «водяное», ср. саам. *časse* «вода») впадает р. *Мокрая*.

6. Деревня *Чуга* (= «гора», ср. саам. *čo'hka* «гора») расположена рядом с деревнями *Гора* и *Холм*.

7. Около *Шидмозера*¹² (= «деревенское, населенное», ср. саам. *šid'da* «зимняя деревня») находится оз. *Жилое*. Примеры такого рода можно значительно умножить, но уже этих фактов достаточно для того, чтобы показать, сколь ценны для изучения субстратных географических названий метонимические кальки, соответствующие на одноязычных территориях топонимическим параллелям двуязычных и многоязычных территорий. Метонимические кальки трудны для обнаружения, но они часто имеют решающее значение для интерпретации.

Существование метонимических калек позволяет допустить, что на Севере очень многие чисто русские названия (р. *Березовая*, оз. *Долгое*) представляют собой кальки субстратных топонимов, однако доказать это положение и тем более применить его к каждому отдельному случаю практически невозможно.

Кроме установленных М. Фасмером основных типов усвоения финно-угорских топонимов русским языком, следует рассмотреть еще некоторые особые случаи проявления взаимодействия языков в сфере топонимики и в первую очередь гибридные названия. Сразу же заметим, что эти названия не имеют ничего общего с гетерогенными топонимами, возникающими при усвоении одной топонимической системы другой, по схеме «древний компонент (основа или весь топоним) + новый компонент (суффикс или детерминатив)». Так, на уровне взаимодействия субстрат-

¹¹ Об этом явлении знал уже Д. Европеус («К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян», ЖМНП, 1868, т. 139, стр. 64).

¹² Компонент -м- в *Шидмозеро*, очевидно, восходит к словообразовательному форманту -V + м.

ной и русской топонимике гетерогенны топонимы *Канзиха*, *Канзов*, *Канзово* (ср. венс. *kanz* «семья»).

Под гибридными названиями имеются в виду топонимы, содержащие гетерогенные составные части в особом соотношении, а именно: субстратный элемент в форманте, русский — в основе. Нетрудно понять, что такие, на первый взгляд, противоестественные сложения могли возникнуть в следующих случаях: при проникновении в язык субстрата русских заимствований, что особенно характерно для эпохи билингвизма, хотя, несомненно, происходило и до нее, при «реализованной» народной этимологии¹³ субстратных названий на русской почве и при втягивании русских названий в ряд субстратных топонимов. Различать эти три типа скращения нелегко¹⁴, однако наличие ударения не на первом слоге свидетельствует в пользу втягивания русского слова в ряд субстратных топонимов (ср. *Ольшанга* < **Ольшанка*, *Худанга* < **Худанка*). К собственно гибридным названиям следует относить только первый из охарактеризованных трех типов скращения, который, однако, трудно отличать от второго, ср.: *Беломень* (*мень* < *немь*, фин. *niemi* «мыс»), *Братинемская*, *Бродбой*, *Прудбуй*, *Стремянбой*, *Царстваньга* и др. Гибридные названия представляют интерес в том отношении, что могут указывать на генетическую связь определенных топонимических формантов с последним дорусским пластом. В то же время эта группа топонимов свидетельствует как о возможности своеобразной «обратной связи» в топонимике, так и о глубоком взаимопроникновении контактирующих языков в этой области¹⁵.

О другой форме скращения, которую можно назвать ретросубстратной, видимо, следует вести речь в таких случаях, как *Габлахта* и *Лёхлуда*. Так как детерминативы *-лахта* и *-луда* отмечены в русской диалектной лексике в качестве апеллятивов (*лахта* «залив», *луда* «каменистая мель»), топонимы *Габлахта* и *Лёхлуда* могут оказаться частичными кальками, в которых «субстратный» формант фактически является русским географическим термином прибалтийско-финского происхождения (фин. *lahti* «залив», карел. *luodo* «каменистая мель»). Это позволяет объяснить полное отсутствие в функции второго компонента топонимов карельского коррелята *-лакша* (< карел. *lakši*), ожидаемого на западе

¹³ См. об этом: А. К. Матвеев, Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала, «Уч. зап. [УрГУ им. А. М. Горького]», 32, Свердловск, 1959, стр. 96.

¹⁴ Кроме тех случаев, когда известна древняя форма топонима, ср. *Колмогоры* > *Холмогоры*, где, конечно, мы имеем дело с народной этимологией.

¹⁵ Есть еще одна возможность — заимствование русскими говорами соответствующего географического термина, который затем был утрачен в качестве апеллятива, но зафиксирован топонимикой. Однако доказать это в конкретных случаях очень трудно, хотя имеются отдельные факты, подтверждающие положение о том, что некогда русскому населению были известны такие заимствованные апеллятивы, которые в настоящее время отмечаются только в топонимике. В частности, фиксация субстратного топонима во множественном числе часто свидетельствует о том, что перед нами географический термин, утраченный апеллятивной лексикой. Дело в том, что постановка топонима, восходящего к географическому термину, во множественном числе предполагает понимание значения соответствующего апеллятива (если только это не тривиальная аналогия). Название поля *Монепелды* (= «многие поля», *Многополье*, ср. фин. *moni* «многий» и *pelto* «поле») прекрасно иллюстрирует это положение. В сущности, аналогичны случаи *Мурда* — *Мурды* (= *Лом* — *Лома*, ср. эст. *murd* «бурелом, валежник»), *Шубач* — *Шубачи* (= *Осинник* — *Осинники*, ср. саам. *surpe* «осина») и др. Отсюда следует, что каждый факт употребления субстратного топонима во множественном числе должен тщательно учитываться, поскольку такое название может восходить к еще не опознанному географическому термину. Ценность этого методического приема очевидна. Иногда в этом же отношении показательны сочетания и сложения русских лексических компонентов с субстратными, ср. название озера *Черная Чачка* (саам. *časse* «вода», т. е. «черная водичка») и болота *Редкошубачное* (ср. саам. *surpe* «осина», т. е. «редкий осинник»). Названия такого рода могут быть гибридными.

региона (ср. *Перилахта* в районе Кенозера), и русского соответствия *-губа* (ср. *Лейгуба*, *Пергуба* и т. п. в Карелии); а также странные, на первый взгляд, образования *Хомшалги* и *Шублахта*, в которых детерминативы идентичны русским географическим терминам [*шалга* «большой лес; гора, покрытая лесом» (~ фин. *selkä* «лесная грива») и *лахта* «залив»], а основы соответственно восходят к прибалтийско-финским (*хонг* > *хом*-, вепс. *hõrg* «сосна») и саамским (*surge* «осина») источникам.

Существование различных форм калькирования и гибридизации географических названий свидетельствует о том, что усвоение чуждой субстратной топонимики Севера русским языком нельзя представлять как прямолинейный процесс, результаты которого всегда легко предвидеть. Усвоение чуждых названий начинается с проникновением на Север первых русских поселенцев, достигает своего апогея в период совместной жизни чуди и русских, продолжается и в наши дни. Однако полное вымирание чуждых языков привело к тому, что лишь некоторые из типов усвоения субстратных топонимов продуктивны до сих пор. Взаимодействие живых топонимических систем неадекватно процессу усвоения субстратной топонимики русским языком. Совершенно очевидно, что появление новых полных калек, метонимических калек и гибридных названий в настоящее время столь же невероятно, как и возникновение новых субстратных топонимов. С другой стороны, превращение полукалек в эллиптические названия, преобразование топонимов на почве русской аффиксации, народная этимология, втягивание в ряд и дальнейшее приспособление субстратной топонимики к русской фонетической и морфологической системе долго будут живым процессом, многие стороны которого еще предстоит выяснить. Действительность топонимики оказывается богаче, чем это представляется первоначально, и ее невозможно втиснуть в прокрустово ложе построений, основанных на формальных приемах исследования. Изучение взаимодействия языков в топонимике дает возможность реально представить сложность путей формирования системы субстратных топонимов и выработать новые конкретные приемы их интерпретации.